

«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА» И РУССКИЙ СТИХОТВОРНЫЙ СБОРНИК ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Заглавие «Стихотворения Александра Пушкина» объединяет три или даже четыре сборника стихотворных произведений поэта, изданных или задуманных им на протяжении десятилетия с 1826 по 1836 год. Четыре потому, что в качестве самостоятельного сборника условно можно рассматривать четвертую часть «Стихотворений Александра Пушкина» (1835), резко отличную от предыдущих трех. Напечатанная в другой типографии, она даже внешне мало похожа на первые три части, изданные в 1829—1832 годах. По принципу составления она скорее напоминает книжку «Стихотворения А. С. Пушкина. (Из Северных цветов 1832 года)», представлявшую собой подборку произведений, напечатанных в упомянутом альманахе. Подобным же образом четвертая часть «Стихотворений Александра Пушкина», за исключением «Разговора книгопродавца с поэтом», состояла из произведений, незадолго перед тем напечатанных в «Библиотеке для чтения» 1834 и 1835 годов.

История названных изданий — это история изменения представлений Пушкина о том, каким должен быть стихотворный сборник, представляющий читателю корпус произведений, отобранных для создания определенного впечатления о составе и характере его поэтического творчества, главным образом лирического. В общих чертах она сводится, как известно, к тому, что жанровый принцип композиции, принятый в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 года, сменяется хронологическим, на котором строится одноименный сборник 1829 года, две части которого были продолжены третьей, вышедшей в 1832 году. Четвертая же часть продемонстрировала разрушение этого принципа: композиция

сборника повторяет в основном последовательность появления помещенных в ней произведений в книжках «Библиотеки для чтения» независимо от их хронологии. Наконец, в задуманном в конце 1836 года новом стихотворном сборнике, состав которого должен был повторить содержание четырех частей «Стихотворений Александра Пушкина», поэт отказывается от хронологического принципа расположения произведений и внешне возвращается к несколько видоизмененному жанровому принципу. Налицо, таким образом, эволюция эдиционных принципов Пушкина; она не раз привлекала внимание исследователей¹, но далека еще от сколько-нибудь полного освещения.

Для ответа на многочисленные вопросы, возникающие при исследовании истории изданий стихотворений Пушкина, важное значение приобретает обращение к той традиции, которая сложилась в пушкинское время, поскольку тенденции развития русского стихотворного сборника, несомненно, учитывались поэтом. За отказом от традиционного жанрового построения, как и за неудовлетворенностью строго хронологическим расположением стихотворений, можно увидеть движение, хотя и не целиком совпадающее с эволюцией авторского сборника в России, но учитывающее тенденции, в ней отражившиеся. Изучение этой проблемы затруднено тем, что история русского стихотворного сборника первой трети XIX века практически не изучалась². Конечно, существуют работы, посвященные сборникам отдельных поэтов, особенно К. Н. Батюшкова и Е. А. Баратынского³; сопоставлялись с ними и «Стихотворения Александра Пушкина». И тем не менее наши знания о том, какими путями развивался русский стихотворный сборник, каковы ведущие тенденции его эволюции, слишком еще незначительны для того, чтобы строить далеко идущие обобщения. Только обстоятельное обследование всего наличного материала создаст условия для основательного решения той задачи, которая вынесена в заглавие предлагаемой статьи.

Ее задача значительно скромнее. на основе наблюдений над относительно большим числом русских стихотворных сборников конца XVIII — первой трети XIX века высказать некоторые соображения о том, как пушкинские издания соотносились с тенденциями, закреп-

ленными в изменениях, которые претерпевало построение авторского сборника в русской литературе первых десятилетий XIX века.

При сопоставлении «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 и 1829 годов с предшествующими им и последующими русскими стихотворными сборниками может показаться, что, совпадая в своем первом сборнике с преобладающими принципами их построения, Пушкин затем сворачивает с того пути, которым в основном пошли другие поэты его времени. В самом деле, принятый в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829 года (и продолженный в 1832 году третьей их частью) принцип хронологического расположения стихотворений не был воспринят ими и дальнейшее развитие русского стихотворного сборника оказалось иным. Вместе с тем, сколь бы неожиданными и неповторенными ни казались принятые Пушкиным композиционные решения, они опирались на тенденции, пробивавшие себе дорогу уже с начала XIX века. Жанровый принцип, усвоенный поэтом в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 года, повторял традиционное построение стихотворного сборника, восходящее к эпохе классицизма и с некоторыми модификациями повторенное ближайшими предшественниками Пушкина В. А. Жуковским и Батюшковым. Нет необходимости подробнее останавливаться на связи пушкинского сборника с изданиями стихотворений названных поэтов, поскольку вопрос этот в большей мере, чем другие, рассмотрен в литературе⁴. Менее замеченным оказалось то, что в процессе разложения жанровой системы классицизма появляются и сборники другого типа, основанные на свободном расположении текстов, демонстрирующем поэтическую индивидуальность автора. Первые из них появляются еще в конце XVIII века: «Мой безделки» Н. М. Карамзина (М., 1794) и варьирующий это заглавие сборник И. И. Дмитриева «И мой безделки» (М., 1795). Оба сборника тяготеют к свободе расположения стихотворений, не исключаяющей, однако, и некоторой оглядки на традицию: в начале каждого из них ставятся стихотворения, тяготеющие к «лирическому» (в характерном для классицизма словоупотреблении) жанрам, — духовным или торжественным одам («Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста» и «К милости»

Карамзина, «Гимн Богу» и «Глас патриота на взятие Варшавы» Дмитриева). Во всем же остальном трудно проследить сколько-нибудь определенную систему; композиционная неупорядоченность выступает как очевидный противовес классической традиции. Композицию «Моих безделок» Карамзин в основном сохраняет и в первом томе собрания своих сочинений⁵, причем в третьем их издании стихотворения датируются, дополнительно обнаруживая свободу их расположения. Дмитриев же, в отличие от Карамзина, восстанавливает традиционное жанровое расположение стихотворений⁶.

Вслед за сборниками Карамзина и Дмитриева появляются и другие издания, авторы которых отказываются от прежней традиции. Таково, например, «Бытие сердца моего, или Стихотворения кн. Ивана Михайловича Долгорукого» (М., 1802, 3-е изд. в 4-х кн. — М., 1817—1818). Как поэт И. М. Долгоруков противопоставлял себя цеховой поэзии («Я писал не для образования системы нового вкуса, а собственно для удовольствия своего и тех, кому перо мое нравится»)⁷; этим мотивируется свободное расположение стихотворений (в 3-м изд. оно, правда, сменяется некоторой, хотя и нетрадиционной систематизацией)⁸. Стихотворения в сборниках Долгорукова не датированы; читателю, однако, предлагается проследить в них развитие поэта: «перемену в образе мыслей, ход их в разных возрастах жизни и постепенное развитие малых моих способностей <...> словом, мне приятно себя находить ребенком, мальчиком, мужем совершенным и наконец стариком, — и видеть, какую ниткою рассудок мой от 15 лет и до 50 прокладывал себе пути к счастью в том глубоком лабиринте, что анатомисты назвали *сердцем*»⁹. В центре внимания, таким образом, оказывается не жанровая структура творчества поэта, но его личность, предстоящая в развитии, отраженном в последовательности появления стихотворений, составляющих сборник.

Еще нагляднее тенденция эта предстает в «Опытах лирических и других мелких сочинениях в стихах» А. Х. Востокова (СПб., 1805. Ч. 1—2); в «Предупреждении» к первой части сборника сообщается, что «первые пятнадцать пьес принадлежат собственно Автору, и вообще распределены по порядку времени...»¹⁰ (например, «Зима, ода к другу» — 1799 г., «Ода достой-

ным» — в 1801 г., «К солнцу» — 1802, «Августа 25-го во время болезни» и т. д.). То же сохраняется и в издании «Стихотворений» Востокова (СПб., 1821), впрочем, их композиция несколько отлична от сборника 1805 года.

Из этих и подобных примеров видно, что хронологический принцип пробивал себе дорогу, начиная с ранних стихотворных сборников XIX века. Тенденция эта закрепляется и в имевшем несравненно более важное значение издании Сочинений Г. Р. Державина (СПб., 1808—1816. Ч. 1—5); поэт, хотя и не совсем пренебрег классическими традициями, но внес в них очень существенные коррективы. По замечанию Г. А. Гуковского, в двух первых частях этого издания «материал расположен не хронологически. Общая схема расположения такова: Богу — царю — людям — себе <...>. Внутри этих разделов (ничем не разграниченных) расположение стихотворений обусловлено соображениями различного порядка (тематический, эмоциональный характер и т. п.), не всегда уловимыми»¹¹. Однако, отказавшись от хронологического расположения стихотворений внутри первой и второй частей своего издания¹², Державин не чужд стремления представить развитие своей поэзии во времени: в первой части помещены произведения, связанные с екатерининским, а во второй — александровским царствованием (сюда же вошли и немногие стихотворения, относящиеся ко времени Павла I).

В основу композиции державинского собрания стихотворений, как и охарактеризованных выше сборников, была положена ориентация на авторскую личность, объединяющую творчество поэта; небезразличным при этом оказалось представление и о движении времени, в котором осуществляется проявление этой личности. Все это, разумеется, не могло пройти мимо внимания Пушкина. Разумеется, я далек от мысли утверждать, что, скажем, сборники Долгорукова или Востокова оказали прямое и существенное воздействие на его решение перейти от жанрового принципа к хронологическому; значение имеет лишь то, что поэт не остался безразличен к тенденциям, в них обнаружившихся. Впрочем, не говоря уже о его постоянном интересе к Державину, Пушкин несомненно был знаком и с другими упомянутыми выше изданиями. Известно, например, что произведениями кн. Долгорукова он интересовался еще в Киши-

неве (сын последнего, сослуживец Пушкина, сообщает в своем дневнике 12 марта 1822 года: «Пушкин присылал ко мне сегодня просить батюшкиных сочинений»)¹³. В библиотеке поэта сохранились четыре части «Бытия сердца моего», находилось в ней и издание стихотворений Востокова 1821 года¹⁴. Поэтому нет ничего невероятного в предположении, что в процессе подготовки своего сборника 1829 года Пушкин мог обращаться к некоторым аналогичным изданиям своих предшественников. Важнее, однако, то, что, оказав предпочтение хронологическому принципу, поэт уловил тенденцию, намечавшуюся в русских стихотворных сборниках с начала XIX века.

Идее движения творчества поэта как конструктивному принципу издания стихотворений не чужды были и поэты, сохранявшие приверженность жанровой композиции стихотворного сборника. Относится это и к изданиям, в наибольшей степени повлиявшим на Пушкина: датировались, хотя и не совсем последовательно, произведения, помещенные в «Стихотворениях Василия Жуковского», начиная с первого их издания (СПб., 1815—1816. Ч. 1—2); в «Опыты в стихах» Батюшкова (СПб., 1817), несмотря на принципиальный отказ от датировки стихотворений, также была заложена идея развития творчества поэта: «Издатель надеется, что читатели сами легко отличат последние произведения от первых и найдут в них большую зрелость в мыслях и строгость в выборе предметов»¹⁵. Все это открывало путь к признанию необходимым располагать стихотворения по годам их написания, и Пушкин в конце концов приходит к такому решению.

Движение в этом направлении наметили уже «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 года. Хотя поэт и сохранил в первом своем сборнике верность жанровому принципу, мысль об эволюции его творчества оказалась для него не менее актуальной. В переписке Пушкина, касающейся подготовки сборника 1826 года, есть любопытное письмо, адресованное брату (27 марта 1825 г.); в нем поэт в шуточной форме высказывает свои соображения относительно содержания предисловия к «Стихотворениям Александра Пушкина»: «Вот в чем должно состоять предисловие: многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской пуб-

лики — но как они часто бывали печатаны Бог весть кем, черт знает под каким заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с <...> 2/ Мы (сиречь Издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (россейской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам, или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (т. е. 14<-ти> лет), или как угодно. <...> 4/ Все это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева» (XIII, 157—158).

Пушкин, таким образом, высказывает соображения относительно того, как должен быть объяснен отбор стихотворений, включенных в сборник: отбрасывались, во-первых, стихотворения «домашние» — этот критерий был еще значим для Пушкина, хотя реально с середины 1820-х годов границы между ними и общезначимой лирикой в его поэзии уже подвергались разрушению; во-вторых же, к исключению предназначались произведения «слишком незрелые», прежде всего, относившиеся к раннему периоду творчества поэта. Характерно, что Пушкин подчеркивает дату своей первой публикации — 1814 год. Внимательный читатель, обратившись к оглавлению сборника 1826 года, легко мог заметить, что ни одно стихотворение не датируется этим годом, а под 1815-м обозначены лишь два — «Гроб Анакреона» и «Лицинию». Таким образом, в основном только относительно более многочисленные стихотворения 1816 и 1817 годов представляли наиболее ранний этап творческого развития автора. Правда, в процессе подготовки «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 года в сборник предполагалось ввести два стихотворения 1814 года — «Воспоминания в Царском Селе» и «Романс» («Под вечер осенью ненастной...»), и исключены они были в самый последний момент, причем первое из них по явно внелитературным соображениям¹⁶.

Предполагая напечатать «Воспоминания в Царском Селе» в составе «Стихотворений Александра Пушкина», поэт намеревался было сопроводить их Нотой, т. е. примечанием, «что они писаны мною 14<-ти> лет — и с

выписками из моих Записок (об Державине)...» (XIII, 159; ср. там же, с. 175). Это было бы лишним напоминанием читателю о четырнадцатилетнем возрасте как исходном для поэтического творчества Пушкина, от которого и следовало вести отсчет его последующей эволюции. Однако если внимательно проследить процесс подготовки первого собрания стихотворений Пушкина, то можно заметить, что лицейская лирика подверглась весьма решительному сокращению: отбор здесь был особенно жестким. Но Пушкину все же важно было сохранить хотя бы некоторые лицейские стихотворения для того, чтобы не прерывать связь с ранним периодом его творчества. Идея его эволюции явно просматривается в пушкинском проекте предисловия; П. А. Плетнев, по видимому, уловил это, и хотя предисловие «От Издательей», предпосланное «Стихотворениям Александра Пушкина» 1826 года, не учло вполне всех пожеланий поэта, данная его мысль все же в нем отразилась: «Любопытно, даже поучительно будет для занимающихся словесностию, сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором Руслана и Людмилы и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни»¹⁷. Такую возможность открывало, в частности, и то, что большинство помещенных в сборнике стихотворений (за исключением раздела «Эпиграмм и надписей») в оглавлении было датировано, и хотя сами произведения помещались вне хронологической последовательности, выстроить их в определенный ряд по времени их создания не составляло большого труда. В этом отношении читатели «Стихотворений Александра Пушкина» имели очевидное преимущество перед читателями «Опытов в стихах» Батюшкова: принципиальный отказ от какой-либо хронологии отличал это издание от пушкинского и затруднял решение предложенной в предисловии к нему задачи.

Известно, правда, что Пушкин не придавал пока особого значения датированию стихотворений и даже сомневался в его целесообразности («Годы везде назначены, но думаю, что это лишнее») ¹⁸, уступив, однако, настроениям Плетнева («Это будет удовлетворительнее для читателя и красивее для оглавления»; XIII, 234). Так пробивало себе дорогу «влияние века», которое, по

словам Б. В. Томашевского, «перевесило классические навыки»¹⁹; позднее оно заставило Пушкина отказаться от жанрового принципа композиции поэтического сборника и перейти к принципу хронологическому. Эволюция творчества представлялась теперь важнее его жанровой структуры.

Правда, в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829 года там, где содержание сборника совпадало с материалом «Стихотворений...» 1826 года, хронологический принцип применялся лишь к распределению произведений по годам; внутри же годовых рубрик сохранялось в основном прежнее расположение стихотворений. В результате, как заметил Б. В. Томашевский, «получилась смесь между распределением по жанрам и случайным распределением — по времени включения в сборник»²⁰. Это обстоятельство не позволяет абсолютизировать хронологический принцип распределения стихотворений в трех частях «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1832 годов; критикуя последующих издателей, в частности П. А. Ефремова, Б. В. Томашевский отмечал, что «расположение стихотворений по годам было лишь приемом нейтрализации традиционных классических жанров» и что «внутри годов Пушкин не чуждался эстетических мотивов объединения стихов...»²¹. Взаимодействие обеих тенденций — «расположения стихотворений по годам» и «эстетических мотивов объединения стихов» — сказался в последующей эволюции эдизионных принципов Пушкина. К тому же дальнейший путь русского стихотворного сборника разошелся с пушкинским; в изданиях 1830-х годов в основном был принят принцип свободного расположения стихотворений, не лишенный, правда, трудно уловимой для читателя логики. В нем находит свое воплощение как поэтическое сознание, свойственное романтизму, так и реалистические тенденции. В первом случае, как справедливо утверждает современная исследовательница, бессистемность «выражает особый род единства»; оно демонстрирует «цельность поэтического мира, то, что создает единство сборника и является условием единства авторской личности»; во втором — «разноречивое собрание стихотворений мыслилось <...> как правдивое отражение действительности, а не произвольное создание романтического духа»²². Результатом обеих тенденций

оказывается возникновение стремления к циклизации поэтических произведений.

Пушкин, однако, отказывается от подобной «бессистемности»; отдав некоторую дань ей в четвертой части «Стихотворений...», в новом своем замысле 1836 года он казалось бы возвращается к жанровой композиции, отвергнутой после сборника 1826 года. Замысел этот мало изучен; к тому же из-за неполноты и неупорядоченности сохранившихся материалов он с трудом поддается исследованию. Первым относящиеся к нему материалы изучил Л. Б. Модзалевский²³. Наиболее подробно замысел Пушкина исследован Н. В. Измайловым. Ученый пришел к важному выводу о том, что, отметив хронологический принцип расположения произведений, Пушкин все же не возвращается к композиционному решению издания 1826 года, но группирует материал «частично по внутренне-тематическим признакам <...>, совпадающим в иных случаях с жанровыми», и лишь некоторые отделы «образованы по жанровому признаку в его классическом, чисто формальном понимании»²⁴. В целом, однако, в новом замысле Пушкина Н. В. Измайлов готов увидеть «странное явление», возврат, «хотя и не в полной мере, к устарелой для него и для русской поэзии вообще жанровой классификации»²⁵. Возникновение проекта издания 1836 года он объясняет исключительно внешними случайными обстоятельствами; например, тем, что, ограничив состав сборника лишь произведениями, уже опубликованными в четырех частях «Стихотворений Александра Пушкина», в которых хронологически прослеживается поэзия лишь до 1831 года, поэт не хотел подтвердить расхожее представление об упадке его лирической поэзии²⁶. Внешние обстоятельства, несомненно, сыграли свою роль, однако объяснения Н. В. Измайлова недостаточно для того, чтобы вполне разобраться в причинах пушкинского выбора. За ним стояло, по-видимому, и признание того очевидного факта, что путь русского стихотворного сборника 1830-х годов разошелся с хронологическим построением, предложенным тремя частями «Стихотворений Александра Пушкина» (1829—1832); в нем обнаружилось тяготение к иной, более сложной организации материала. Принцип свободного расположения стихотворений, хотя и по-новому систематизированных, доминирует в плане нового пуш-

кинского издания. Произведения объединяются в нем сразу по нескольким признакам: традиционные рубрики «Послания», «Эпиграммы, надписи и проч.», «Баллады и песни», как и отсутствующие в сохранившихся материалах, но, несомненно, предполагавшиеся «Элегии», совмещены здесь с разделами другого рода; «Стихи, сочиненные во время путешествия» (1829) и «Песни западных славян» представляют уже образования, тяготеющие к форме поэтического цикла. Заглавия же такого рода, как «Подражания древним», утрачивают характер жанрового обозначения. В сборнике 1826 года «Подражания древним» включали в себя антологические стихотворения, примыкавшие к элегиям; в составе же задуманного в 1836 году сборника они оказались бы рядом со стихотворениями «(Из Ксенофана Колофонского)» и «(Из Афенея)», представляющими собой произведения, ориентированные на подлинную античность и имеющими уже мало общего с романтическими антологическими стихотворениями 1820-х годов. Как и другое заглавие — «Вольные подражания восточным стихотворениям» — обозначение «Подражания древним» в составе несостоявшегося пушкинского сборника указывало бы лишь на объединение произведений, тяготеющее к циклизации по тематическому признаку.

Все это говорит о том, что композиционная система сборника 1826 года в плане 1836 года претерпела существенные изменения: жанровый принцип сменяется, по определению Н. В. Измайлова, «жанрово-тематическим», тяготеющим к более свободному расположению материала²⁷. Справедливо утверждая, что мы не вправе считать план издания 1836 года последним словом поэта в представлении корпуса его стихотворных произведений, Н. В. Измайлов одновременно явно преувеличивает случайность происхождения этого замысла. Речь, по-видимому, должна идти о кризисе не только жанрового, но и хронологического принципа составления авторского поэтического сборника; не подкрепленный дальнейшей эволюцией последнего, он был признан Пушкиным недостаточным. Принцип организации материала, предполагавшийся замыслом 1836 года, развивает тенденции, наметившиеся в трех первых частях «Стихотворений Александра Пушкина» и способствовавшие разрушению хронологического принципа в четвертой их

части. При всей неполноте сведений о проекте издания 1836 года очевидно, что речь не может идти о реанимации прежней жанровой системы; новый принцип нес в себе новое начало, в значительной мере совпадавшее с эволюцией русского стихотворного сборника в 1830-е годы. Особенно важным представляется появление в составе сборника, задуманного Пушкиным, «Стихов, сочиненных во время путешествия», закрепляющих возникновение внутри стихотворного сборника лирического цикла как особой формы организации стихотворного материала²⁸. Подобное намечалось уже в составе «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 года выделением «Подражаний Корану»; однако там их специфика как поэтического цикла нейтрализовалась жанровой композицией сборника. В проекте же 1836 года цикл «Подражаний Корану» мыслился в составе «Вольных подражаний восточным стихотворениям», подчеркивая нежанровую природу этого заголовка.

Таким образом, намечавшаяся трансформация стихотворного сборника Пушкина, совпадавшая во многом с тенденциями, воплотившимися в сборниках других поэтов в 1830-е годы, открывала дорогу для появления таких сборников-циклов как «Сумерки» Баратынского (1842), предвосхищавших будущий феномен «книги стихов». Как этап эволюции эдиционных приемов Пушкина сборник, задуманный им в 1836 году, мог стать свидетельством внимания поэта к тенденциям, воплощенным в развитии русского стихотворного сборника первой трети XIX века. Исследование стихотворных сборников Пушкина как осуществленных, так и задуманных, в контексте эволюции авторского поэтического сборника его времени, далеко не исчерпанное в данной статье, способно значительно обогатить представление не только об их происхождении и логике построения, но и существенно углубить понимание того, в каком виде представляется поэту корпус его поэзии на разных этапах ее развития. Это имеет немаловажное значение при решении многих и теоретических, и практических проблем изучения и издания Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. — Л., 1925. — С. 5—19; Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. — Л., 1930. (Факсимильное издание. М., 1987); Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. — М., 1962. — С. 113—126, 218—225, 304—308, 377—386; Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов//Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. — Л., 1975. — С. 213—269; Сайтанов В. А. Стихотворная книга: Пушкин и рождение хронологического принципа//Редактор и книга. — М., 1986. — Вып. 10. — С. 123—160.

² Ср.: Булкина И. С. Жанр и художественные особенности сборника Е. А. Баратынского «Сумерки»//Пути развития русской литературы: Литературоведение: Труды по русской и славянской филологии. — Тарту, 1990. — С. 20—26. Ученые записки Тарту-ун-та. Вып. 883.

³ См., напр.: Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты»//Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. — М., 1977. — С. 433—492. (Литературные памятники); Зубков Н. Опыты на пути к славе: О единственном прижизненном издании К. Н. Батюшкова//Свой подвиг свершив... — М., 1987. — С. 265—350; Фризман Л. Г. Поэт и его книги//Баратынский Е. А. Стихотворения; Поэмы. — М., 1982. — С. 497—557. (Литературные памятники).

⁴ См., напр., указ. соч. В. А. Сайтанова.

⁵ Карамзин <Н. М.> Сочинения. — М., 1803. — Т. 1 (3-е изд. — 1820).

⁶ См.: Дмитриев И. Сочинения и переводы. — М., 1803. — Ч. 1—3. (6-е изд., «исправленное и уменьшенное», СПб., 1823).

⁷ Долгоруков И. М. Бытие сердца моего. — М., 1817. — Ч. 1. — С. XIII.

⁸ См. разделы сборника: Богу. Мертвым. Надгробные. Оды. На разные предметы. Послания. Ср. подзаголовок ч. 3-й: Содержащая в себе стихотворения забавные, песни и всякие мелкие отрывки.

⁹ Долгоруков И. М. Бытие сердца моего. — Ч. 1. — С. XV.

¹⁰ Востоков А. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. — СПб., 1805. — Ч. 1. — С. 11.

¹¹ Державин <Г. Р.> Стихотворения. — Л., 1933. — С. 425. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹² 3-я ч. Сочинений Державина совпадает со сборником «Анакреонтических песен» (1804), 4-я отведена драматургии; 5-я, вышедшая в год смерти поэта, включила в себя его поздние стихотворения.

¹³ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или два дни вёдра на 363 ненастья//Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. — М., 1985. — Т. 1. — С. 370.

¹⁴ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). — СПб., 1910. — С. 24, 36/№№ 80, 129. (Репринтное изд. М., 1988).

¹⁵ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. — М., 1977. — С. 198.

¹⁶ См.: Томашевский Б. В. Тетрадь Всеволожского//Летописи Гос. Лит. музея. — М., 1936. — Кн. 1: Пушкин. — С. 70—71.

¹⁷ Пушкин А. Стихотворения. — СПб., 1826. — С. XI—XII.

¹⁸ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. — М.; Л., 1935. — С. 230.

¹⁹ Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. — С. 11.

²⁰ Там же. — С. 12.

²¹ Там же. — С. 22—23. Ср. мысль Н. В. Измайлова о том, что, наряду с «почти механически проведенным расположением стихотворений по годам», в первых двух частях «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 года «проведена; хотя и непоследовательно, другая система, основанная на идейно-тематическом значении важнейших, определяющих и опорных произведений, выделенных почти в каждом году». См.: Измайлов Н. В. Указ. соч. — С. 216. Тенденция эта закрепляется в третьей части пушкинского сборника (1832). См. там же. — С. 219.

²² Булкина И. С. Указ. соч. — С. 22, 23.

²³ См.: Модзалевский Л. Б. Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г. // Книжные новости. — 1936. — № 7. — С. 19—21.

²⁴ Измайлов Н. В. Указ. соч. — С. 266—267.

²⁵ Там же. — С. 267.

²⁶ См. там же. — С. 267—268.

²⁷ См. там же. — С. 268.

²⁸ См.: Измайлов Н. В. Указ. соч. — С. 219—223; Слина Э. В. Лирика Пушкина 1820—30-х годов: проблемы становления личности поэта: (учебное пособие по спецкурсу). — Псков, 1990. — С. 38—48.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей

Псков 1994